

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОТ ВНЕШНЕЙ ФОРМЫ К ВНУТРЕННЕЙ (О МЕТАРЕАЛИЗМЕ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1980 - 1990-Х ГОДОВ)

Н.И. Полянская

FROM EXTERIOR FORM TO INNER
(ABOUT METAREALIZM
IN THE RUSSIAN POETRY OF 1980-1990)

Polyanskaya N.I.

The problems of the origin of the metarealistic tendency in the Russian poetry of the 20th century are considered. The author reveals the main notions and expressions of this phenomenon, determines the traditions, that poets-metarealists based on, differentiates the attitude to the notion "metaphor" of such outstanding representatives of this tendency as Parshikov A., Zhdanov I., Eremanko A.

Рассматриваются проблемы возникновения метареалистического течения в русской поэзии XX века, автор выявляет основные понятия и термины данного явления, определяет традиции, на которые опирались поэты-метареалисты, разграничивает отношение к понятию «метафора» такими крупными представителями этого течения, как А.Парщиков, И.Жданов, А.Еременко.

УДК 82.091

Двадцатый век в корне изменил отношение к поэтическому творчеству. Стремление сказать новое слово заставляло поэтов искать необычные формы выражения, максимально использовать возможности, потенциально заложенные в структурах с вертикальным контекстом (когда текст получает не только линейное развертывание, но и членится на отрезки, не обусловленные синтаксическим делением). В то же время уплотненная художественно-информационная структура стихотворных текстов XX века во многом задана многомерными связями с другими текстами, среди которых данный текст определяет свое. Конец века обострил оба эти направления поиска, что привело к рождению поэтических структур, ориентированных на обнажение подсознательных мыслительных импульсов, и, соответственно, к множественности прочтений одного и того же текста.

«Метареалистами» была названа группа поэтов, впервые выступившая вместе в Центральном доме работников искусств (ЦДРИ) в Москве в декабре 1979 года (2, с. 4-5). В этом вечере участвовали Иван Жданов, Алексей Парщиков, Александр Еременко и другие авторы; некоторые из них впоследствии сочли себя присоединившимися к «метареализму» (Марк Шатуновский), а иные (Евгений Бунимович) к нему не присоединились. Однако все они вошли в более широкую общность неподцензурной литературы, которая существовала в Москве начала 1980-х; некоторые

из участников этой общности назвали ее «новой волной». В 1987 году на основе этого круга авторов был создан литературный клуб «Поэзия» (полуформальная организация, по сути альтернативная официальному Союзу писателей), куда вошли и инициаторы нового направления. Вскоре после первых выступлений для этого направления были предложены два названия – «метаметафоризм» (3, 4, 5) или «метареализм» (9, 10); второе название было разработано в 1982–1983 годах, первое – в 1983 году. «Метареализм» М. Эпштейн описал как противоположность концептуализму, оговорив, что «метареализм и концептуализм – не замкнутые группы, а полюса, между которыми движется современная поэзия»; в частности, Александр Еременко стоит «посередине между метареалистами и концептуалистами» (10, с. 518).

На поэтику метареалистов оказали важное, иногда и определяющее воздействие утопические, теософские и паранаучные идеи русского авангарда. Теория «четвертого измерения» и «мнимых плоскостей», выдвинутая в трактатах П.Д. Успенского «Ter-tium Organium» и П.А. Флоренского «У водоразделов мысли», через «сверхповести» Хлебникова, заумь Александра Туфанова и Алексея Крученых, драматургическую поэтику обэриутов («Лапа» Хармса, «Кругом возможно Бог» Введенского) обогатила поэзию «метареалистов» галлюцинаторными, шаманскими опытами с пространственными инверсиями: у Жданова «дорога свернута в рулон» («Зима»), у Еременко «пчела бредет в гремящей стратосфере, / завязывает бантиком пространство» («Дума»), у Парщикова «клином в зенит уходили лошади / для поцелуя вытягивая тела» («Степь»).

Основной смысл «метареализма», по М. Эпштейну, – в том, что он открывает с помощью особых метафор стоящую за видимой реальностью множественную «метареальность», «реальность многих реальностей»: «явления... на стадии синтетической... обнаруживают *причастность* друг другу, т.е. превратимость при сохранении раздельности, интеграцию на основе диф-

ференциации...» (10, с. 522). «Каждая реальность явлена в другой как нарушение ее законов, как выход в новое измерение, поэтому образ становится цепью метаморфоз, охватывающих Реальность как целое, в ее снах и пробуждениях, в ее выпадающих и связующих звеньях» (7, с. 82). Новый тип метафоры, функционирующий, по мнению М. Эпштейна, в «метареализме», был назван «метаболей»; «метабола» может быть определена как «смещение в иное, «бросок» в возможное».

Вместо символа или метафоры у метареалистов выдвигается другая поэтическая фигура, которой не так-то легко найти место в традиционной классификации тропов. Эта фигура близка тому, что древние понимали под метаморфозой: одна вещь не просто уподобляется или соответствует другой, что предполагает нерушимую границу между ними, условность и иллюзорность такого сопоставления, – а *становится* ею. Всякого рода сходства, которые любила искать поэзия, – луны с лягушкой, молнии с фотовспышкой, березы с клавишами рояля (метафоры Есенина, Пастернака, А. Вознесенского) – это лишь знаки несостоявшихся метаморфоз, в ходе которых вещи реально, не иллюзорно обмениваются своими сущностями. Метареальная поэзия напряженно ищет ту реальность, внутри которой метафора вновь может быть раскрыта как метаморфоза, как подлинная взаимопричастность, а не условное подобие двух явлений. Метареализм – это не только «метафизический», но и «метафорический» реализм, то есть поэзия той реальности, которая спрятана внутри метафоры и объединяет ее разошедшиеся значения – прямое и переносное.

Как показал Марк Липовецкий, поэтический атлас поэтов-метареалистов может быть пунктирно прорисован вовсе без опор на трудноопределимые терминологические ярлыки, но с оглядкой на интертекстуальные и цитатные влияния – например, на основе отталкивания и притяжения поэтов 1980-х к «координатам поэтического мира Бродского». По мнению Липовецкого, четыре стихотворения Бродского –

«Осенний крик ястреба» (1975), «Рождественская звезда» (1987), «Представление» (1986) и «Назидание» (1987) – афористично и сжато выражают трагический, скептический, иронический и дидактический модусы, присущие социокультурному ландшафту позднесоветского безвременья. «Осенний крик ястреба», дифирамб ожесточенному выбору одиночества и гибели, по замечанию Липовецкого, «притягивает к себе, прежде всего, Ивана Жданова» (хотя у Жданова и в помине нет существенного для Бродского параллелизма между метафизикой отчаяния у Лоуэлла и Одена и традицией аллегорической эпифании в английском романтизме). Липовецкий продолжает: «...теология «Рождественской звезды» в эстетизированном варианте прочитывается у Алексея Парщикова, в метафизическом – у Ольги Седаковой, Елены Шварц, Аркадия Драгомощенко, в психологическом изводе похожие мотивы звучат у Вадима Месяца» (6, с. 130).

Метареализм – это новая форма безусловности, открытая по ту сторону метафоры, не предшествующая ей, а вбирающая ее переносный смысл. «Мета» – общая часть таких слов, как «метафора», «метаморфоза», «метафизика». «Метареальность» – это реальность, открываемая за метафорой, на той почве, куда метафора переносит свой смысл, а не в той эмпирической плоскости, откуда она его выносит. Метафоризм играет со здешней реальностью, метареализм пытается всерьез постигнуть иную. Метареализм – это реализм метафоры как метаморфозы, постижение реальности во всей широте ее переносов и превращений. Метафора – осколок мифа, метареалия (метареалистический образ, единица метареальной поэзии), попытка восстановления целостности, индивидуальный образ, направленный к сближению с мифом, насколько это возможно в пределах современной поэзии. Метареализм – это не отрицание реализма, а расширение его на область вещей невидимых, усложнение самого понятия реальности, которая обнаруживает свою многомерность, не сводится в плоскость физического и психологического

правдоподобия, но включает и высшую, метафизическую реальность, явленную пушкинскому пророку. То, что мы привыкли называть «реализмом», сужая объем понятия, – это реализм всего лишь одной из реальностей, социально-бытовой, непосредственно нас обступающей. «Метареализм – это реализм «многих реальностей, связанных непрерывностью внутренних переходов и взаимопревращений. Есть реальность, открытая зрению муравья, и реальность, открытая блужданию электрона, и реальность, про которую сказано – «и горный ангелов полет», и все они входят в существо Реальности». (8, с. 160-161).

Одной из этих основных установок поэтов-метареалистов является *лингвистический универсализм* – это растворение реальности в лабиринтах языка, калейдоскопах метафор и полифонии стилистических регистров. «То множество реальностей, скрепляемых не слитным поэтическим «я», а размытым, неоформленным «Оно» – это порожденные поэтическими тропами «мнимые плоскости», иллюзорные миры, указывающие на утрату «подлинной» реальности и подталкивающие именно в языке попытаться обрести и нащупать ее ускользающие контуры» (1, с. 290). Никакой тенденции, противостоящей лингвистическому универсализму, нет. Есть тенденция принципиально другая, но и действующая на другом уровне поэтики, на другом уровне текста. Это представление любой литературной практики (а не только советской) как ритуала, который неизбежно порождает идеологические коды.

В поэтике Александра Еременко главным тропом делается ирония; выступая в амплу «политической метафоры», она предьявляет себя средством терапии и активного изживания примет тоталитарного опыта, отложившихся в культурной памяти и комплексах исторической вины. Искупительная и целительная ирония в поэзии Еременко формально реализуется путем выстраивания в пародийный ряд реминисценций и сатирически обыгранных цитат из программных стихотворений Блока, Мандельштама, Ахматовой, Цветаевой, служа-

щих для советской интеллигенции почти что «иконами» коллективного сопротивления: «Туда, где роца корабельная/ лежит и смотрит, как живая,/ выходит девочка дебильная,/ по желтой насыпи гуляет». В поэзии Еременко фигура иронии образует фон для политического самосознания поэта, а заодно для спонтанной политизации языка (язык у него, подобно обыденному гражданину советской эпохи, подвергается процедурам подчинения и насилия, третируется и муштруется). Пожалуй, поэтика Еременко представляет уникальный для русского стихосложения пример игры с *психопатологией политического языка*. Воссоздавая тоталитарную паранойю на уровне идеологии, она оттеняет ее либеральными или анархическими установками, сопровождаемыми депрессивными синдромами, на уровне риторики. Сам Еременко дидактично и остроумно проповедует необходимость политического жеста и выбора, но фигура иронии оповещает об их недостижимости в период «социально-экономического застоя». Поэту остается только героически повторять заученные, греющие сердце чужие строчки, перевирая их, соединять их бытовым комизмом и беззлобно глумиться над наследием высокого модернизма. Высмеивающая самое себя фигура иронии в поэзии Еременко позволяет набросать нечто вроде карикатурного проекта советской историографии (с приложением поданной в юмористическом ключе «тарифной сетки» советских ценностей).

В отличие от ироничного историографа Еременко, Иван Жданов – предельно серьезный метафизик, но метафизика его своеобразная, авторская, нетрадиционная. Метафора у него постепенно перестает походить на артикулированную фигуру. Теперь она «след слова», «тень полета», посредническое звено между отсутствием и присутствием, между пустотой внешней реальности и полнотой ее высшего проявления, предьявленного в «полете и восполнении» самого стихотворения.

Парящая и распинающая речь в метафизике Жданова децентрирует субъекта

по отношению к данной ему реальности, вырывает его «как силой прилива из мертвых глубин», способствует его воскресению и вознесению. Одно из его «центральных» стихотворений, «Холмы», обладающее мощнейшим мессианским и богостроительным подтекстом, пытается спрессовать многие евангельские символы и сюжеты – распятие на Голгофе, Фаворский свет, Христос, искушаемый в пустыне, – в одной-единственной, то опустошаемой, то насыщаемой фигуре «следа». В видении Жданова след «западает в песок и отвесной пылью / обрывается в воздух, такой же рваный / монолитной трухой и зноем, и пылью». Представления Жданова о демиургической и энергичной власти слова сформировались под воздействием (пусть и не всегда осознанным автором, но пропущенным через культурные фильтры) святоотеческих трактовок сущности Божественного имени, исихазма XIV века и учения Григория Паламы, а также имяславских споров в русском религиозном ренессансе.

Поэтическая система Парщикова отчетливо делёзианского типа: подобно серфингисту на волне, метафора скользит по складкам, выступам и впадинам смысла, оставаясь при этом «автоматом» – и управляемым, и бесконечно свободным, – поскольку всякий раз он формирует мотив производимого им события. Примеров подобного скольжения можно привести множество: «Безумец скакал на коне разлитом / фантомным винтом» («Термен»), «Молочные ободки / зыркнули эллипсами, когда покачнулись бутылочные штабеля» («Бегство-3»), «Ветер выгнул весла из их брезентовых брюк» («Землятрасение в бухте Цэ»). Уникальная механико-органическая метафора, изобретенная Парщиковым, с одной стороны, обнажает скрытую механику образа, его абсолютную роботизацию, с другой, с невероятной, практически неуловимой скоростью осуществляет его физические трансформации. Тропологическое многообразие в поэзии Парщикова, круговорот задействованных у него метафор, синекдох и оксюморонов, заслуживает отдельного, пристального ис-

следования. Заметим, что у него ассамбляжи и сгущения метафор, часто специально слепленных друг с другом до неразличимости, подчинены правилам не только словесной, но и визуальной репрезентации.

«Метареалисты» не создали традиции, хотя по отдельности некоторые из них (в особенности Парщиков и Кутик) повлияли и влияют сейчас на некоторых авторов младших поколений. Однако в целом этот круг авторов поставил принципиальную эстетическую проблему (ее Парщиков – впрочем, не без иронии – назвал метатропией), которая в 1990-е годы была переоткрыта молодыми авторами, отчасти с оглядкой на «метареалистов», отчасти совершенно самостоятельно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голышко-Вольфсон Д. *От пустоты реальности к полноте метафоры*. – М., 1995.
2. Жданов И., Шатуновский М. *Диалог-комментарий пятнадцати стихотворений Ивана Жданова*. – М., 1997.
3. Кедров К. *Инсайдаут*. – М., 2001.
4. Кедров К. *Поэтический космос*. – М., 1989.

5. Кедров К. *Энциклопедия метаметафоры*. – М., 2000.
6. Липовецкий М. *Сознание смерти или смерть сознания // The New Freedoms. Contemporary Russian and American Poetry / Ed. by E. Foster, V. Mesyats. [Б.М.], 1994.*
7. Эпштейн М. *Вера и образ: Религиозное бессознательное в русской культуре XX века*. – Тенафлу, 1994.
8. Эпштейн М. *Метаморфоза. О новых течениях в поэзии 80-х годов*. – М., 1987.
9. Эпштейн М. *Тезисы о метареализме и концептуализме*. – М., 1983.
10. Эпштейн М. *Что такое метареализм // Литературные манифесты от символизма до наших дней*. – М., 2000.

Об авторе

Полянская Наталья Ивановна, аспирант 3 года очной формы обучения кафедры истории новейшей отечественной литературы факультета филологии и журналистики Ставропольского государственного университета. Сфера научных интересов – эволюция рифмы, проблемы рифмообразования в русской лирике XX века (Б. Пастернак, А. Вознесенский, поэты-метареалисты: И. Жданов, А. Еременко, А. Парщиков).